Наум Ефимович Застенкер
ПРУДОН и ЕГО ПРОЕКТ «БАНКА ОБМЕНА»

Французский ежегодник 1978
М.: Наука. 1980. С.161-178

Веб-публикация: Vive Liberta, 2012

Известное выступление Прудона с проектом социальных реформ, прежде всего в области кредита, равно как самый характер и смысл его предложений, может быть понято лишь в свете экономического положения первых недель после февральской революции во Франции.

Реформаторские проекты Прудона, при всей их утопичности, при всей надуманности их посылок и выводов, своеобразно, как бы в кривом зеркале, отражали действительность, черпали в ней и свою критическую часть и свои устремления. И в данном случае мысль Прудона отразила явления, созданные развитием экономического кризиса 1847—1848 гг. во Франции. Было бы неправильно видеть в этом проекте только лишь предвзятую сектантскую идею; сквозь нее просвечивали вполне реальные потребности мелкой буржуазии, обусловленные вполне реальными особенностями французской экономики, сказавшимися с особой силой на течении экономического кризиса.

* Публикуемая работа Наума Ефимовича Застенкера (11 апреля 1903—13 июля 1977) не увидела света при жизни ее автора — одного из лучших советских специалистов по истории Франции, вдумчивого исследователя и талантливого педагога, воспитавшего десятки учеников.

Н. Е. Застенкер пришел в науку путем, типичным для того поколения, которое шагнуло из юности в зрелость под непосредственным воздействием Великого Октября и навсегда сохранило в своем мировосприятии отсвет незабываемых событий нашей революции. Его научная деятельность началась в Институте красной профессуры, куда он поступил в 1928 г. К этому времени за его плечами уже была работа в комсомоле, Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, служба в Красной Армии — в частях, завершивших ликвидацию банд Унгерна в Монголии, опыт ответственной партийной работы (в ряды КПСС Н. Е. Застенкер вступил в 1923 г.). И сделанный начинающим исследователем выбор научной проблематики органически соответствовал той цели, к которой он с юношеских лет шел всю свою жизнь: он занялся историей социалистических учений, поисков передовыми умами человечества путей осуществления коммунистического идеала.

Учителем Н. Е. Застенкера в этой области был академик В. П. Волгин, подсказавший ему тему. В 1930 г. в его семинаре Н. Е. Застенкер прочитал доклад «Основные моменты учения Прудона». Это был первый его приступ к осуществлению большого научного замысла, в дальнейшем определившегося как исследование социальных и политических идей и деятельности П.-Ж. Прудона в период революции 1848—1849 гг. во Франции.

Задуманный Н. Е. Застенкером капитальный труд не был завершен: скрупулезная требовательность ученого к своей работе порождала у него постоянную неудовлетворенность уже сделанным. Но по частям результаты этого исследования в разное время были опубликованы: «Прудон и бонапартистский переворот 2 декабря 1851 г.» (1944), «Об оценке Прудона и прудонизма в „Коммунистическом манифесте“» (1955), «Прудон и февральская революция 1848 г.» (1961), «Идейное банкротство современного неопрудонизма» (1968, переведена во Франции и Венгрии), «Западногерманские вариации современного неопрудонизма» (1972). Н. Е. Застенкер постоянно занимался историей революции 1848—1849 гг. во Франции, посвятив ей специальную монографию (1948), главы в коллективных трудах (Революции 1848—1849 гг.; В 2-х т./ Под ред. Ф. В. Потемкина, А. И. Молока, М., 1952; История Франции. М., 1973. Т. 2) и несколько статей, в том числе свою последнюю прижизненно опубликованную работу (Об организации рабочих делегатов Люксембургской комиссии 1848 г.— Французский ежегодник 1975., М. 1977).

Частью этого обширного замысла Н. Е. Застенкера является публикуемый ниже фрагмент, содержащий анализ проекта социальных реформ, выдвинутого Прудоном в начале революции 1848 г.

И. Григорьева

Такой особенностью было прежде всего совершенно неудовлетворительное развитие коммерческого кредита, несмотря на преобладающую роль банковского капитала и финансовой аристократии во Франции. Французская промышленность и торговля, в особенности средняя и мелкая, испытывали крайнюю недостаточность кредитных учреждений, дороговизну и недоступность кредита. Постоянный бюджетный дефицит и перманентный рост государственного долга, высота государственной ренты и созданные для нее преимущества перед всеми другими капиталовложениями [1], развитие биржевой игры и спекуляции, горячка железнодорожного строительства и высокие дивиденды железнодорожных и других монопольных компаний — все эти характерные явления долголетнего «царства банкиров» вызвали во Франции самое резкое отделение денежного капитала от производительного и породили худосочие торгово-промышленного кредита.

С одной стороны, владельцы свободных капиталов в погоне за максимальной прибылью устремились в область биржевой игры, железнодорожного грюндерства и т. д., с другой — редкая сеть банковских учреждений, поглощенных преимущественно операциями с государственной рентой, иностранными займами и биржевой игрой, не могла привлечь многочисленные мелкие накопления, оседавшие в виде сокровищ либо используемые в провинциальном ростовщичестве. «Странно видеть в этой французской системе, с одной стороны, столько капиталов, с которыми не знают, что делать, с другой — банки, которые функционируют почти что без капитала, как если бы его в стране больше не было»,— писал о французской кредитной системе 30—40-х годов XIX в. ее критический исследователь Коклэн [2]. Сравнивая тогдашнюю французскую банковскую систему с английской и американской, Коклэн и другие современники почти единодушно отмечали прежде всего незначительное число кредитных учреждений в стране. «Первое, что поражает,— это ее крайняя незначительность, скудость»,— указывал Коклэн на особенность французской банковской системы [3]. Это же подчеркивал в своей работе 1834 г. о банковской системе во Франции и известный делец сенсимонистской школы Эмиль Перейр. «Деньги дороги, хотя промышленники благоразумны и лояльны. Займы, размещенные после 1815 г., высокий курс ренты, низкий курс обязательств текущего долга доказывают обилие свободных капиталов. Но, за исключением нескольких банкирских домов, деятельность которых не выходит за границы их местопребывания, Франция не имеет банков» [4]. В этом замечании было много верного.

Кроме Французского банка и его 5 провинциальных филиалов, открытых в 40-х годах XIX в.[5], перед революцией 1848 г. во Франции насчитывалось лишь 9 департаментских банков (из которых 6 было создано после 1835 г.) с общим капиталом в 23,3 млн. франков [6]; к ним надо присоединить еще группу «La Haute banque», в которую входили банкирские дома Ротшильда, Малле, Хоттингера, Нейфлица, Лаффита, Верна, Гейне, с их широкими международными и государственными связями и избранной «солидной» клиентурой. Возникшие в Париже в 40-х годах несколько небольших частных банков и учетных контор с более широкой клиентурой [7] были вызваны к жизни острой потребностью мелких и сред-

[1] Помимо аккуратности в оплате процентов и амортизационных сумм, фиксированности дохода, государственные займы и доходы по ним освобождались от всяких налогов и пошлин.

[2] *Coquelin Ch.* Du crédit et des banques. Paris, 1848, p. 309.

[3] Ibid., p. 306.

[4] *Péreire E.* Du système des banques et du système de Law: Articles/Publ. E. et J. Péreire en 1834. Paris, 1866.

[5] Из них 4 было открыто в 1846 г. См.: *Coquelen Ch.* Op. cit., p. 281.

[6] *Bigo R.* Les banques françaises au cours du XIXe siècle. Paris, 1947, p. 105.

[7] Банк «Gouin et C°» (с капиталом в 17 млн. фр.), «Caisse Ganneron», банк «Béchet, Dethomas et Cie» (капитал 15 млн. фр.), банк «Cusin, Legendre et Cie» (капитала 2 млн. фр.) и др. См.: *Bigo R.* Op. cit., p. 142—143.

них промышленников и коммерсантов в кредите и были, по существу, лишь действующими на свой страх и риск посредниками между клиентурой и крупными банками и агентами банков, не имевшими самостоятельного значения. Еще меньшее значение имели так ярко описанные Бальзаком мелкие провинциальные банкиры, зачастую соединявшие свой банкирский промысел с коммерческой деятельностью и смотревшие на него как на дополнение к этой последней.

Другой характерной чертой французской кредитной системы, тесно связанной с первой и ею же в значительной степени обусловленной, была дороговизна кредита для средних и мелких предпринимателей, его недоступность для мелкой буржуазии. Это последнее обстоятельство упускают из вида те исследователи, которые, проводя параллель между французским банковским кредитом периода июльской монархии и английским, указывают обычно на более низкую учетную ставку французского банка (4% вместо 6,8 и 10% в Лондоне) [8] и на прогрессирующее понижение кредитного процента во Франции с 20-х годов XIX в. и вплоть до революции 1848 г.[9] Действительное положение дел с банковским кредитом для средней и мелкой буржуазии было далеко от этого оптимистического и апологетического изображения.

Формальные данные о размерах процента и учетных ставок Французского банка и «La Haute banque» не учитывают реальных условий этого банковского кредита, почти недоступного для «несолидных» клиентов. Во-первых, Французский банк, учетный процент которого действительно оставался неизменным в период между 1820 и 1847 гг., принимал к учету векселя не более чем трехмесячного срока. Во-вторых, что еще более важно, он учитывал лишь векселя, имевшие три подписи, иначе говоря, снабженные, помимо подписей продавца и покупателя, еще гарантийной третьей подписью. Не говоря уже о том ограничении кредитуемых лиц, какое представляла обычная проверка их имущественного положения, коммерческой репутации и кредитоспособности, требование трех подписей лишало банковского кредита массу мелких предпринимателей, розничных мелких торговцев и ремесленников, которые не могли найти себе гарантийного поручителя. Таким образом, одно уже это требование закрывало двери Французского банка перед значительной частью мелкой буржуазии.

В равной степени это распространялось и на возможность получения кредита в крупных банковских домах из группы «La Haute banque», которые обычно отказывались иметь дело с «несолидными», незнакомыми им клиентами и нередко требовали тех же трех подписей на векселе. «Чтобы достать денег в первоклассных банках,— жаловался в 1847 г. автор проекта «Банка взаимного кредита» (Banque mutuelle) Канюэ де Лонжон,— встречаешь почти столько же трудностей, что и во Французском банке: надо быть давно известным в данной местности, иметь патент, быть рекомендованным (банку). В этом случае вам учтут ваши векселя с двумя или тремя подписями из 5 и 6%, конечно, со взиманием комиссионных, сборов за перемену места, почтовых услуг и т. д.» [10].

Созданное всеми этими условиями положение делало неизбежным для мелкого предпринимателя и торговца обращение к ростовщическому кредиту, опорой и почвой которого во Франции было именно отсутствие разветвленного и доступного для мелкой буржуазии банковского кредита. Вот почему в течение всей первой половины XIX в. ростовщический кредит продолжает господствовать во Франции. Все законодательные меры,

[8] См., напр.: *Marion M.* Histoire financière de la France depuis 1715. Paris, 1928, vol. 5, p. 187.

[9] «Общий средний уровень процента во Франции постоянно понижался с 6,67% в 1816 г. до 1829 г. и после легкого повышения на 50 сантимов держался до революции 1848 г. на уровне 3,87%, достигнутом в 1829 г.» (*Loutchitch L.* Des variations du taux de l'intérêt en France de 1800 à nos jours. Paris, 1930, p. 76).

[10] *Bigo R.* Op. cit., p. 236.

ограничивавшие легальный кредитный процент [11], лишь прикрывали тот факт, что французская мелкая буржуазия была отдана во власть легального ростовщичества, которое принимало либо форму гарантирования третьей вексельной подписи частными банками, посредничавшими между своими мелкими клиентами и крупными банками, либо форму частного банковского кредита по повышенным под всякими предлогами процентам, не говоря уже о прямом ростовщичестве обычного «нелегального» типа. Возникновение в 30—40-х годах XIX в. ряда учетных касс в Париже и провинции [12], занимавшихся специальным промыслом учета векселей и снабжавших их третьей подписью, чтобы затем переучесть их во Французском банке по его учетной ставке, объяснялось именно этой возможностью использования создавшейся ситуации для легального ростовщичества. Мелкобуржуазный публицист Поль Кок, автор поучительнейшего исследования о причинах застоя и стагнации французского земледелия и крестьянского хозяйства [13], метко охарактеризовал эту французскую кредитную систему с ее требованием трех подписей на векселе. «Эта система,— писал он,— создала вокруг Французского банка легион сателлитов, роль которых, как уже замечали, состоит в том, чтобы некоторым образом монопольно сбывать мелкую монету. То, что банк отказывается делать сам, несмотря на полноту власти, какой он облечен, сделают для него другие. Только надо здесь хорошенько столковаться и не говорить, например, что банк производит учет коммерческих векселей из 4%; на самом деле нет ничего более неточного. Банк делает вот что: он ссужает банкиру, производящему учет векселей, по 4% деньги, которые тот, немного погодя, ссудит торговле либо которые тот уже ссудил ей, по 7 и 8% — или пусть будет по 6¼% и 6½% комиссионных, если говорить в терминах легального кредита. Так что в этой системе власть в деле учета сосредоточена в действительности не у банка, а в другом месте... Хозяином в деле учета является посредник, крупный негоциант или банкир, который производит учет, и по логике вещей, то есть в силу требования трех подписей, ему вверена, переуступлена монополия Французского банка» [14]. Вследствие этих реальных условий получения кредита мелким буржуа действительная его стоимость, конечно, намного превышала официальную учетную ставку и легальный банковский процент.

Анализируя условия поземельного кредита, Кок считал, что, в то время как крупные банкиры и капиталисты могут без труда достать деньги из 2,3, максимум 4%, землевладельцы платят за них в среднем от 7—8 до 15% [15]. Многочисленные свидетельства современников подтверждают, что такие же ростовщические условия кредита существовали для городской мелкой буржуазии. «Мелкий коммерсант, который не имеет кредита у какого-либо банкира, занимает деньги лишь по ростовщическим процентам»,— писал в своей книге уже упоминавшийся нами Коклэн [16].

Коклэн доказывал, что фальшивы обычные утверждения о дешевизне кредита во Франции, ссылаясь на успех государственной 5, 4 и 3%-ной ренты, и подчеркивал, что государственные займы составляют исключе-

[11] Законом от 3 сентября 1807 г. был установлен максимальный процент для коммерческого кредита в 6% и для гражданского — в 5%. Этот закон был подтвержден в 1850 г. вместе с усилением мер наказания за ростовщичество.

[12] Кроме упомянутых выше «Caisse Gouin et C°», «Ganneron», «Béchet» и др., надо указать на созданную в 1837 г. Жаком Лаффитом «Caisse générale du Commerce et de l'Industrie» и на ряд провинциальных учетных банков: «Caisse Commerciale de Saint-Quentin», «Comptoir de Valenciennes», «Caisse commerciale le Lille», «Comptoir d'escompte de Marseille», «Caisse commerciale d'Amiens», «Caisse de commerce et de l'industrie de Lyon», «Caisse industrielle du Nord» и др. См.: *Bigo R.* Op. cit., p. 138—139.

[13] *Coq P.* Le sol et la Haute Banque. Paris, 1850.

[14] *Coq P.* Op. cit., p. 176. В другом месте Кок указывал, что требование трех подписей на векселе «есть лишь предоставленный некоторым лицам способ чеканить деньги на шее у промышленности и торговли» (Ibid., p. 188).

[15] Ibid., p. 94.

[16] *Coquelin Ch.* Op. cit., p. 311.

ние в силу ряда особых условий и льгот; он полагал, что, отвлекаясь от этого исключения, «средний уровень процента, даже в обычные времена, составляет вряд ли менее 15—20% по всей Франции» [17]. Канюэ де Лонжон считал, что обычный процент равен 6, но к этому добавляются большие комиссионные плюс пошлины за почтовые услуги, бухгалтерские и кассовые операции и т. п.[18] Дамуретт, банкир и член коммерческого суда в Шатору (деп. Эндр), оценивал учетную ставку для весьма надежных местных векселей в 7—12% [19]. В департаменте Эры и Луары в 1838 г. она вырастала до 18% при учете обязательств лиц, проживающих в другом месте [20]. Число таких свидетельств можно было бы легко приумножить, но и сказанного достаточно, чтобы сделать заключение о недоступности или крайней дороговизне банковского кредита для французской мелкой буржуазии перед революцией 1848 г.

Указанные обстоятельства объясняют ту поспешность, с какой Прудон опубликовал свой проект реформ, долженствующих решить социальный вопрос. Этот проект, вышедший в свет в первых числах апреля 1848 г., носил название «Организация кредита и обращения и решение социальной проблемы» [21]. Его содержание подтверждает, что реформаторские идеи Прудона к моменту февральской революции были еще далеко не зрелыми. Сокрушаясь по поводу того, что революция произошла раньше, чем вполне созрела ее «идея», Прудон подразумевал прежде всего незавершенность своих собственных идей и проектов. Но он должен был спешить и впоследствии объяснил это так: «Проектами залепили все стены, они затопили витрины книжных лавок и кабинеты министров; я сделал то же, что и все...» [22]. Прудон боялся отстать от других реформаторов и упустить возможность привлечь внимание к своим идеям.

Еще сильнее было желание противопоставить всем проектам коренной или частичной ломки буржуазного общества, известного ущемления буржуазии и частной собственности свой план мирного реформаторства, *основанного на оберегании буржуазной собственности*. Эту мысль подчеркивало название брошюры Прудона, полный текст которого гласил: «Организация кредита и обращения и решение социальной проблемы без налога, без займа, без звонкой монеты, без бумажных денег, без максимума, без реквизиций, без банкротства, без аграрного закона, без налога на бедных, без национальных мастерских, без ассоциации, без участия (рабочих в прибылях предприятия.— *Н. З.*), без вмешательства государства, без помех свободе торговли и промышленности, без посягательства на собственность» [23]. Отсюда видно, против кого был направлен проект Прудона: не только против многочисленных «якобинских» предложений, перекладывавших, хотя бы частично, издержки кризиса на капитал, но и против Луи Блана и других «государственных социалистов», равно как против фурьеристов и кабетистов. Иначе говоря, своим проектом *Прудон стремился развенчать и устранить все те мероприятия и предложения*, какие могли послужить источником опасений и страхов собственнических классов во Франции.

Вот почему проект Прудона прежде всего касался вторжения государства в права частной собственности, вопроса об «организации труда» государством. Прудон выступил здесь принципиальным противником идеи «организации труда». Брошюра раскрывает ту сторону его концепции

[17] Ibid., p. 312.
[18] См.: *Bigo R.* Op. cit., p. 236.
[19] Ibid.
[20] Ibid.
[21] Датированный 31 марта 1848 г., проект этот был издан книжной лавкой В. Пиля («Librairie de la Révolution»).
[22] *Proudhon P. J.* Démonstration du socialisme, théorique et pratique.— Le Peuple, 1849, 19 fevr.; см. также: *Proudhon P. J.* Oeuvres complètes, т. 18. Mélanges. Articles de journaux 1848—1852. Deuxième volume. Paris, 1868, p. 89.
[23] *Proudhon P. J.* Oeuvres complètes. Paris, 1868, т. 6, p. 89.

государства, которая ранее оставалась в тени. Критикуя демократию Прудон категорически осуждал все, что порождает разлад, раскол, противоречия внутри единого народа. Это стремление к преодолению классовых различий и антагонизмов внутри буржуазного общества имело, однако, у Прудона границы, определенные желанием сохранить основы того же буржуазного общества — частную собственность и индивидуальное производство. Мысль Прудона разрывается между стремлением, с одной стороны, устранить классовую борьбу в буржуазном обществе, а с другой — сохранить в нем свободу, т. е. конкуренцию самостоятельных собственников. Противоречивость мелкобуржуазных позиций и желаний порождает противоречия в идеях относительно «единства» и «борьбы» в обществе. В одном случае Прудон обрушивается на все, что мешает и препятствует народу «говорить и действовать, как один человек», что «атомизирует» его единую волю. В другом — он отвергает как «ошибочный предрассудок» все то, что «стремится, под предлогом гармонии и братства, уничтожить в обществе различия мнений, противоположность интересов (l'opposition des intérêts), борьбу чувств, антагонизм идей, конкуренцию трудящихся» [24]. Выдвижение такой цели «означало желание удалить из общественного организма по меньшей мере движение и жизнь. Вот в чем фатальная ошибка коммунизма...» [25].

Устремляясь на хоженые тропы, Прудон доказывал то, что давно было известно от учеников Сен-Симона: основными законами мироздания являются, с одной стороны, «всеобщий антагонизм», противоречие, а с другой — «взаимность», взаимное проникновение антагонистических элементов» [26]. Прудон давал свое толкование соотношению этих двух начал. Между этими двумя принципами существуют взаимосвязь и взаимообусловленность. «В социальном порядке (строе) взаимность есть принцип социальной действительности (de la réalité sociale), формула справедливости. Ее основой является вечный антагонизм идей, мнений, чувств, способностей, темпераментов, интересов» [27].

Такая философская конструкция, типичная для идеалистической диалектики Прудона, в данном случае понадобилась ему для обоснования решения социальной проблемы, в корне отличного от всяких проектов «организации труда» государством. Дело в том, подчеркивал Прудон, что «зло, терзающее нас, происходит от того, что закон взаимности не признается и нарушается. Все лекарство состоит целиком в том, чтобы обнародовать этот закон. Организация наших взаимных и обоюдных отношений (de nos rapports mutuels et réciproques) — вот вся социальная наука» [28]. Эту организацию социальных отношений Прудон сводит к организации обращения, противопоставляя ее организации труда.

Наше внимание привлекает прежде всего само слово «организация». Оно указывало на задачу, которая вырастала перед Прудоном, как только он начинал рассматривать сферу отношений купли-продажи товаров. Его рассуждения о «формуле взаимности» в сфере товарообмена, о «справедливости обмена» скрывали молчаливое признание того факта, что эквивалентность обмена не может быть достигнута стихийными рыночными отношениями. Принято думать, что анархические воззрения Прудона были теоретическим отображением анархии капиталистического рынка. Но, как видим, рыночная анархия заставляла Прудона постоянно отступать от принципов анархизма, то открыто, то замаскированно привлекать государство для обеспечения эквивалентности обмена. Сфера обращения товаров и была, по мнению Прудона, той областью, где нельзя допускать

[24] *Proudhon P. J.* Organisation du crédit et de la curculation.— Oeuvres complètes, t. 6, p. 92.
[25] Ibid.
[26] Ibid., p. 93.
[27] Ibid.
[28] Ibid.

абсолютной свободы контрагентов, где требуется регулирование, где так или иначе необходима организация.

И наоборот, труд, производство никакому регулированию не подлежат, эта область должна быть предоставлена свободной воле контрагентов, ибо «труд есть синоним индивидуальной свободы» и, «за исключением справедливости обмена, свобода труда должна быть абсолютной» [29]. «Организация труда есть подлинный объект индивидуальной свободы. Что посеешь, то и пожнешь (Qui bien fera, bien trouvera) — государству более нечего сказать трудящимся в этом отношении. То, в чем мы нуждаемся, чего я требую от имени трудящихся, это взаимность, справедливость в обмене, это организация кредита» [30].

Признавая и допуская таким образом регулирующее вмешательство извне в сферу обращения товаров, Прудон обставлял это вмешательство рядом ограничительных оговорок: «Государство, повторяю, может лишь высказываться о справедливости экономических отношений, но не устанавливать проявлений свободы. Вдобавок даже в вопросах справедливости государство вправе лишь заставить уважать общую волю, собственную инициативу оно проявляет лишь в виде исключения» [31].

Так вырисовывается ход мыслей Прудона, объясняющий особенности проекта реформы кредита и обращения, с которым он выступил через месяц после февральской революции. В этом проекте отразились и внутренне разделяемые тогда Прудоном взгляды на государство как орган, выражающий общенациональные интересы, общенародную волю.

В программе реформ, предложенной Прудоном в брошюре «Организация кредита и обращения», речь шла о мероприятиях срочного характера для немедленного рассасывания экономического кризиса перепроизводства и возобновления деловой активности буржуазии. Он предлагает «то, что спекулятивное изучение социальной экономии указывает как наиболее применимое к ситуации» [32].

Было бы несправедливо видеть в этой «программе» воплощение социального идеала автора, картину «позитивной анархии», как она представлялась Прудону весной 1848 г. Брошюра Прудона была не отвлеченной, пропагандистской, это была программа мероприятий для немедленного осуществления, рассчитанных на ту обстановку, в какой очутилась Франция в результате экономического кризиса, усугубленного революцией. Прудон подчеркивал, что в своей брошюре он «замыкается в кругу материальных интересов», не касаясь тех «политических, философских и моральных последствий, какие нам придется извлечь позже из этих предпосылок...» [33]. Под этими предпосылками он подразумевал мероприятия по преодолению промышленного, торгового и финансово-кредитного кризиса: «Удвоить, утроить, бесконечно увеличить труд, а стало быть, и продукцию; придать кредиту столь широкую базу, что никакой спрос его не исчерпает; создать такой рынок, что никакое производство не заполнит его; организовать непрерывное, регулярное обращение, которое не сможет нарушить никакое происшествие...» [34].

Тем не менее при всем их практически злободневном смысле реформы Прудона не были все же оторваны от его социального идеала. Эти реформы были, как указывал сам Прудон, «подготовительной и переходной мерой» [35], они обрисовывали если не цель, то путь к ней.

Предложенная Прудоном программа мероприятий исходила из мысли о том, что выход из кризиса и спасение Франции лежат в отказе от какого-либо ущемления буржуазии, в воспрепятствовании любым попыт-

[29] Ibid., p. 91.
[30] Ibid., p. 93.
[31] Ibid., p. 92.
[32] Ibid., p. 90.
[33] Ibid.
[34] Ibid.
[35] Ibid., p. 93.

кам пролетариата переложить, хотя бы частично, издержки кризиса на буржуазию. Все предложенные Прудоном меры были продиктованы желанием оберечь от революционных мероприятий буржуазную собственность, стимулировать накопление капиталов. Через весь проект красной нитью проходила мысль, что улучшение участи пролетариата зависит от благополучия буржуазии. Воплощенная в проекте теория солидарности интересов пролетариата и буржуазии вела к признанию неразрывности их судеб, к отказу от всякой классовой политики пролетариата, к утверждению о прямой заинтересованности рабочих в процветании их эксплуататоров.

Прудон требовал от пролетариата определенных уступок и жертв в пользу буржуазии. Его реформы начинались с отмены закона об уменьшении рабочего дня и закона о запрещении marchandage (подрядной сдачи работ с торгов). Прудон намечает также повсеместное снижение заработной платы рабочих и служащих в размере от $^1/_{25}$ до $^2/_3$ заработка в зависимости от ее размеров и установление максимума общих заработков служащих в 20 000 франков в год. И хотя это должно сопровождаться снижением тарифов также и за услуги судебных чиновников, нотариусов и адвокатов, снижением жалованья солдат и офицеров, снижением пенсий, уменьшением тарифов за церковные требы и т. д. и т. п. вплоть до тарифов носильщиков и почтальонов и удержанием из заработной платы высокооплачиваемых категорий служащих суммы в размере от недельного до месячного оклада, совершенно ясно, что основная часть требуемых Прудоном жертв падала на рабочий класс. Не меняли дела и те мероприятия, какие намечались проектом Прудона в отношении буржуазии.

Часть этих мероприятий, затрагивая интересы финансово-ростовщической буржуазии, давала торгово-промышленной и мелкой буржуазии прямой выигрыш — снижение ссудного процента Французского банка до 3%, частных банков до 4% и процентов по ипотечному кредиту до 4%; отсрочка всех коммерческих платежей на срок до 40 дней, в зависимости от суммы платежа, и платежей ипотечного долга на срок до 6 месяцев, снижение арендной платы за машины и фабричное оборудование, снижение земельной ренты и арендной платы за землю на 25%, снижение арендной платы за жилые помещения, склады и дома. Другая часть — уменьшение (всего лишь на 5%) дивидендов железнодорожных, промышленных и торговых компаний, отсрочка погашения казначейских обязательств и выплаты вкладов в сберегательных кассах, отсрочка платежей по государственным займам — затрагивала далеко не все слои буржуазии. Наконец, третья часть этих мероприятий,— например, распространение этих отсрочек и понижений платежей на все частные сделки, контракты и соглашения — носила столь всеобщий характер, что мало чем могла изменить положение буржуазии.

Тем не менее Прудон объявлял свои мероприятия образцом социальной справедливости. Он разъяснял лежащую в их основе мысль как стремление «произвести увеличение общего богатства посредством снижения всех заработков» и доказывал, что, «требуя от каждого гражданина отказаться от части своей заработной платы или дохода, мы увеличим сумму его благосостояния» [36]. Подчеркивая универсальный характер требуемых им жертв, Прудон клеймил стремление рабочего класса к сокращению рабочего дня и повышению заработной платы, как следование примеру своекорыстной буржуазии, вызванное «декламациями социалистов». Рабочие должны знать, что «повышение заработной платы есть причина нищеты», в то время как «общее понижение заработной платы есть лишь синоним общего богатства» [37]. Он обвинял социалистов из Люксембургской комиссии в создании «лихорадочной обстанов-

[36] Ibid., p. 98.
[37] Ibid., p. 99.

ки», при которой труд стремится бастовать, капиталы прячутся и бегут, а стоимости повышаются. «Любая мера общественного спасения должна затрагивать все без исключения классы граждан. Вот что забывают слишком часто низкопоклонники пролетариата (les courtisans du prolétariat), так же как адвокаты буржуазии» [38].

Что этот «объективизм» Прудона был напускным и фальшивым, мы могли уже убедиться. Распределение жертв, проистекавших из всеобщего снижения заработной платы и доходов, показывало, что на деле Прудон перекладывал главные жертвы на плечи рабочего класса и проявлял немалую заботу о прибылях буржуазии. Дальнейшее содержание прудоновского проекта реформ еще более подтверждало этот вывод.

После завершения первого этапа реформ — всеобщего снижения заработной платы — Прудон намечал второй этап, содержанием которого должно было стать всеобщее снижение товарных цен. Прудон логично аргументировал справедливость этой меры, являвшейся лишь коррелятивом первой, и возлагал ее осуществление на государство: «Вместе со снижением всех заработных плат и доходов государство вправе требовать пропорционального снижения цен на все продукты и услуги...» [39]. Для осуществления этого мероприятия Прудон предложил «остановить стоимость» (arrêter la valeur) — выражение, за которым скрывалось в сущности предложение установить максимальные цены на товары и услуги [40].

При этом характерно следующее: Прудон считал, что намеченное им снижение заработной платы и доходов приведет к снижению себестоимости товаров и услуг — в среднем на 25% по всей Франции. Однако он предложил «стабилизировать стоимость», т. е. установить максимальные цены на товары и услуги на уровне той их себестоимости, какая существовала накануне повсеместного понижения заработной платы и доходов. Это означало, что, принимая во внимание снижение себестоимости, которое последует за снижением заработной платы, Прудон предложил установить цены на товары на уровне, превышающем их новую себестоимость на 25%. Разницу между старой и новой стоимостью Прудон оставлял «как пространство для конкуренции и прибыль для предпринимателей» [41].

Допущенное здесь нарушение принципа равномерности жертв было столь очевидным, что Прудон и сам не мог отрицать его и должен был признаться, что все это далеко от равенства. «Я сознаюсь даже, что меня можно упрекнуть в известном противоречии, так как, допуская в принципе лишь ту прибыль, какая является результатом взаимности понижения, я все же сохраняю в общем 25% для свободы действий предпринимателям» [42]. Таким образом, вопреки своему показному «объективизму» Прудон отвергал элементарные требования рабочего класса, осуждал его борьбу за уменьшение рабочего дня и повышение заработной платы и проявлял заботу о прибылях предпринимателей.

Эта забота отвечала всему замыслу проекта Прудона, видевшего важнейшее условие ликвидации экономического кризиса в создании у бур-

[38] Ibid., p. 100.
[39] Ibid., p. 107.
[40] Колебание стоимости товаров, доказывал Прудон, происходит не вследствие колебаний спроса и предложения, а вследствие рыночной анархии. Источником этой последней Прудон объявлял не анархию производства, а торговый ажиотаж, стремление продавать товары по цене выше их средней, т. е. истинной, стоимости. Это повышение продажных цен выше стоимости товаров и было, по Прудону, главной причиной социальных бед. «Причинами колебания стоимости, которые надо уничтожить и которые порождают пауперизм, являются анархия рынка, коммерческий произвол, ажиотаж. Ажио, во всех своих формах, есть ложь, вечный отец зла. Именно ажио мы и объявляем борьбу (Ibid., p. 106). Общей тенденцией стоимости, несмотря на все ее колебания, является понижение. Мероприятия, которые поддерживают эту тенденцию, охраняют ее и не дают ей развиваться вспять, в сторону повышения, Прудон и называл «остановить стоимость» (Ibid., p. 106—107).
[41] Ibid., p. 108.
[42] Ibid., p. 111.

жуазии стимула к возобновлению деловой активности. Создание у буржуазии чувства безопасности и обеспечение прибыли на капитал — таковы звенья, за которые ухватилась мысль Прудона в поисках выхода из кризиса. Будучи во власти идей вульгарной буржуазной политической экономии, Прудон разделял и пропагандировал тот взгляд, что процветание буржуазии есть условие общественного богатства и благополучия трудящихся. «Под впечатлением страха, вызванного революцией,— писал он,— богатство отхлынуло от общественного тела (du corps social), как кровь, которая у охваченного ужасом человека отхлынет к сердцу... Надо, следовательно, заставить капиталы вернуться, надо, так сказать, окунуть труд в золотую ванну (mettre le travail dans un bain d'or). Я сравниваю общество с наполненной губкой; положите ее в таз, она останется сухой. Если же вы сожмете ее, то жидкость потечет и наполнит таз. Так, каждый производитель, капиталист, рантье и т. д. есть одна из пор общества, в которой укрывается богатство. Сожмите губку, и живительная жидкость оросит вас со всех сторон» [43]. Прудон и решал своим проектом задачу — вернуть труд в такие условия, чтобы он впитывал живительную для буржуазии золотую влагу и орошал ее прибылями. Прудоновские схемы снижения заработной платы и товарных цен были рассчитаны на то, чтобы побудить рабочих работать больше и дольше, увеличивая тем самым прибыли предпринимателей [44]. «Труд, стало быть, и дивиденд непременно, таким образом, увеличатся»,— разъяснял Прудон смысл своих предложений [45].

Конечно, Прудон отдавал себе отчет о том, что важнейшим условием успеха его плана является решение проблемы реализации возросшей товарной массы, т. е. проблемы рынка. Эту проблему он отчасти решал своими проектами снижения цен на товары и услуги и «стабилизации стоимости». Удешевление товаров, их дешевизна должны были вызвать новый спрос на них, расширение рынка сбыта. Дешевизна создаст занятость для безработных, повысит реальную заработную плату, породит всеобщее благосостояние, сгладит социальные противоречия. «Создавайте дешевизну, создавайте, говорю вам, дешевизну; идя этой проселочной (кратчайшей) дорогой, вы достигнете почти что материального равенства, тени равенства социального» [46].

Несмотря на этот восторженный гимн дешевизне, Прудон все же понимал, что никакое удешевление товаров не решит радикально проблемы их сбыта. Последнее требовало более всеобъемлющих мероприятий, освобождающих обращение товаров от пут и помех капиталистического рынка. Поэтому план Прудона зависел от мероприятий, которые открыли бы неограниченные возможности для сбыта товаров.

[43] Ibid., p. 101–102.

[44] Прудон доказывал цифровыми выкладками, что от предлагаемого им параллельного снижения заработных плат и цен выигрывают больше всего низкооплачиваемые категории наемного труда, т. е. рабочие. Их выгоды от проекта стоят в обратном отношении к их заработной плате, и чтобы рабочие воспользовались этими выгодами, надо, чтобы они работали по крайней мере столько же, сколько они работали прежде, до революции. Если они будут работать меньше, то выгоды от удешевления товаров будут для них уменьшаться в геометрической прогрессии, точно так же, как выгоды будут расти в геометрической прогрессии, если они будут работать больше. Так, рабочий с заработком в 2 фр. в день, после снижения его заработной платы на 10%, т. е. до 1 фр. 90 сант., будет после снижения цен на товары так же богат, как если бы он раньше получал 2 фр. 50 сант. Значит, потеряв рабочий день, такой рабочий теряет не 1 фр. 90 сант., а фактически 2 фр. 50 сант., а работая лишний день в неделю, этот рабочий заработает фактически не 13 фр. 30 сант. (1 фр. 90 сант., помноженный на 7 дней), а 17 фр. 50 сант. «Следовательно, при меньшей, чем раньше, заработной плате для рабочего есть бóльшая, чем прежде, выгода работать и бóльший ущерб от праздности...» (Ibid., p. 103). Нетрудно заметить, что за этими цифровыми выкладками стоял призыв к рабочему классу воспользоваться «выгодами» прудоновского проекта посредством удлинения рабочего дня по крайней мере на 2 часа.

[45] Ibid., p. 102.

[46] Ibid., p. 111.

Но прежде чем перейти к этому важнейшему звену всего прудоновского проекта, мы должны сделать предварительное замечание. В изложении последней и важнейшей части «Организации кредита и обращения» мысль Прудона теряла последние остатки ясности и систематичности и делалась все более отрывочной и неясной. Этот недостаток неоднократно подмечался исследователями. Объяснялось это обычно тем, что проект «банка обмена», впервые изложенный здесь Прудоном, был отмечен незрелостью мысли автора, ибо обстоятельства вынудили его выступить со своим реформаторским проектом слишком поспешно. Соглашаясь с этим объяснением, справедливость которого очевидна, мы хотели бы вместе с тем указать еще на одну причину косноязычия Прудона. Оно было до известной степени сознательным и преднамеренным. Прудон обращался со своим проектом к широкой публике, и в частности к демократическому читателю, мелкому буржуа и рабочему. При изложении своих идей реформы кредита он попадал в сугубо затруднительное положение: принципы этой реформы нуждались в сложной аргументации. Нужно было входить в такие дебри экономической и финансовой теории, что Прудон предпочитал многое опустить, чтобы не оказаться вовсе не понятым читателем. Вот почему он был так сдержан и скуп на разъяснения, которые оказались мало понятными в данной брошюре. В дальнейшей полемике по поводу Банка обмена он был куда более красноречив.

В «Организации кредита и обращения» были изложены лишь общие принципы кредитной реформы, еще не сведенные воедино и не составлявшие конкретного проекта Банка обмена. Это был эскиз будущего проекта, сделанный неуверенной рукой. Но уже здесь впервые была выдвинута и подчеркнута главная мысль Прудона — о замене золота, как средства обращения, денежным знаком, представляющим обезличенный вексель. «Золото есть талисман, который замораживает жизнь в обществе, который сковывает обращение, убивает труд и кредит, который создает взаимное рабство всех людей. Поэтому надо еще уничтожить это царство золота, надо республиканизировать деньги, сделав из каждого продукта труда ходячую монету» [47]. Последнее достигалось следующим образом. По призыву правительства 100 тыс. фабрикантов, мануфактуристов, негоциантов, предпринимателей транспорта, земледельцев и т. д. объединяются и взаимно обязуются примкнуть к Банку обмена, стать его участниками. Этим Банком обмена станет Французский банк, преобразованный в общественное учреждение, стоящее под наблюдением государства, но независимое от него и управляемое делегатами всех отраслей промышленности [48]. Участники банка будут кредитоваться последним в размере своей обычной кредитоспособности, так же как банк будет осуществлять обычные учетные операции, взимая за учет от 2 до 5% [49]. Участники Банка обмена обязуются принимать в любую уплату по номиналу банковские билеты, выпускаемые Банком обмена.

Вопрос о банковских билетах, выпускаемых Банком обмена, был стержнем всего проекта. Прудон доказывал, что здесь именно заключено коренное отличие Банка обмена от всяких других банков. Он настаивал на четком различении между билетами Банка обмена и всякими видами бумажных денег — ассигнатами, банкнотами, кредитными билетами,— имеющими своим обеспечением драгоценные металлы, либо земельную собственность, либо ипотеки и т. п. Как подчеркивал Прудон, «проблема обращения состоит в том, чтобы обеспечить (gager) банковскую банкноту не экю, не слитками и не недвижимостью... а обеспечить ее продуктами» [50].

[47] Ibid., p. 112.
[48] Ibid., p. 114—115, 127.
[49] Ibid., p. 126.
[50] Ibid., p. 114.

На этой идее Прудон и построил Банк обмена. Билеты этого банка должны выпускаться исключительно в обмен на предъявляемые к учету в банке коммерческие векселя и обеспечиваться этими векселями. Учитываемые Банком обмена векселя должны быть должным образом гарантированы, т. е. они должны быть выданы кредитоспособным лицом и снабжены подписями заслуживающих доверие поручителей. Поскольку такой вексель олицетворяет не что иное, как сделку купли-продажи в кредит, он представляет, следовательно, определенную реальную стоимость, услугу, проданный товар. Учитывая такой вексель, т. е. обменивая его на свои билеты, Банк обмена по существу лишь заменяет конкретный вексель, обозначенный определенным сроком и местом платежа, векселем обезличенным, принимаемым к уплате всеми 100 тыс. участников банка. Билет Банка обмена является таким образом не чем иным, как бессрочным векселем, оплачиваемым по предъявлении.

Как доказывал Прудон, он не может никогда обесцениться, так как, во-первых, гарантирован взаимообязующим контрактом участников Банка обмена, которые «своей массой, независимостью и в то же время солидарностью своих операций, представляют тысячи миллиардов шансов уплаты против одного неуплаты. Само золото представляет в тысячу раз меньшую безопасность» [51]. Во-вторых,— и это Прудон считал еще более важным — «эмиссия новой бумаги никогда не сможет перейти границ как эмиссия обычных банковских билетов, казначейских бонов, бумажных денег, ассигнатов и т. д., принимая во внимание, что эта эмиссия имеет место, лишь будучи гарантированной реальными коммерческими ценностями, и происходит в меру того, как они предъявляются к учету» [52]. Ссылаясь на это обстоятельство, Прудон утверждал: «В комбинации, которую я предлагаю, бумага — кредитный знак и инструмент обращения,— обеспеченная лучшими коммерческими бумагами, которые сами представляют поставленные продукты, а не непроданные товары, такая бумага, говорю я, никогда не может быть выпущена в обращение чрезмерно, поскольку она выдается лишь в обмен на стоимости, и никогда не может быть отказа в приеме ее в платеж, поскольку она заранее снабжена подписью массы производителей» [53].

Таковы были общие данные о принципах Банка обмена в брошюре Прудона. Скудость этих сведений была очевидна, и у читателя немедленно возникал ряд вопросов. Как будет управляться Банк обмена? В чем будет состоять материальная ответственность его членов? Каковы взаимоотношения между банком и промышленностью, между банком и государством? Кем и как выбираются делегаты по отраслям промышленности? Каковы взаимоотношения между банком и сельским хозяйством? Каково его влияние на поземельный кредит? На все эти и подобные им вопросы первоначальный очерк Банка обмена ответа не давал. Мы можем лишь отчасти уловить мысль Прудона, изучая его выводы о последствиях кредитной реформы, которые он поспешил преподнести читателю. Выводы эти по своей значительности выходили далеко за рамки вопроса о Банке обмена. Становилось особенно заметным, насколько скомкано было предшествующее изложение механизма и структуры Банка обмена: многие выводы Прудон делал, минуя посредствующие звенья в цепи умозаключений.

Прежде всего, указывал Прудон, последствием учреждения Банка обмена будет упразднение банковского дела и уничтожение могущества финансовой аристократии. Металлические деньги будут упразднены, золото и серебро превратятся в обыкновенные товары. «Таким образом, банковский промысел фактически и юридически уничтожается, царство банкиров (La règne de la finance) приходит к концу» [54].

[51] Ibid., p. 116.
[52] Ibid., p. 117.
[53] Ibid., p. 118.
[54] Ibid., p. 121.

Еще более важным последствием явятся полная ликвидация кризисов перепроизводства, безграничное расширение рынков сбыта товаров. Скажется освобождение обращения от монополии золота, являющегося «не ключом к торговле, а запором ее», «часовым, поставленным у входа на рынок с приказом: „прохода нет!"» [55]. Читатель мало что мог понять в этом мимоходом брошенном замечании, которое содержало в себе, в сущности, всю прудонистскую теорию кризисов. Эта теория осталась в «Организации кредита и обращения» немотивированной и была развита Прудоном лишь в последующих статьях, посвященных Банку обмена.

Большой интерес представляет попытка Прудона наглядно изобразить новую систему организации кредита применительно к производству и обращению товаров. Следующий ниже отрывок дает некоторое представление о том, каково было назначение кредитной реформы Прудона и чьи потребности она должна была обслужить: «Я, думается, показал, что кредит есть обмен. Если это так, то раньше всего из этого следует, что всякий предприниматель вместо того, чтобы обращаться к денежному человеку, немедленно обратится к потребителю и производителю. Он обратится к потребителю, чтобы получить от него заказы, потом на основе доверия к нему самому и его заказам, он отыщет производителя сырья, инструментов или услуг, в каких он нуждается, получит свои инструменты и заплатит ему векселями (lettres de commerce), которые будут превращены банком, с соблюдением обычных мер предосторожности, в обменные знаки (en papier de change). Таким образом, истинным пайщиком, участником предприятия является потребитель; нет больше необходимости в посредничестве денежного человека между ним и новым предпринимателем; продукты, одни из которых будут реализованы, а другие могут быть реализованы в более или менее отдаленном будущем, обмениваются прямым путем, без посредника, без лихоимства, посредством простого учреждения кредита,— вещь невозможная сегодня, в запретительном царстве денег. Предпринимателю более не нужно заниматься вопросом о деньгах, для него дело будет заключаться лишь в том, чтобы наладить собственное производство, иначе говоря, обеспечить сбыт своих продуктов» [56].

В перспективе, нарисованной Прудоном, со всей ясностью отражены мечтания мелкого предпринимателя, имеющего ничтожный собственный капитал и основывающего свое предприятие почти целиком на получении в кредит сырья, материалов и даже инструментов; мелкого хозяйчика, полностью зависимого от ростовщика-банкира, который взимает чудовищную дань с предпринимателя. Сюда же надо причислить и ремесленника, владельца мастерской, мечтающего расширить ее, а также квалифицированного «патентного» рабочего и ремесленного подмастерья, мечтающего выйти в люди, завести свою мастерскую. Кредитная реформа Прудона отвечала реальным потребностям их существования. Но для рабочих крупной, средней и даже мелкой промышленности Прудон мог предложить лишь «освобождение от заботы о будущем», ликвидацию безработицы [57]. Но и это «освобождение от заботы о будущем» в результате того, что рабочий «знает, что в его руках источник богатства» [58], выглядело неубедительно. Источник богатства рабочего состоял в данном случае в том, что он мог лишь бесконечным трудом реализовать для себя «выгоды» от удешевления товаров.

Уничтожение препон, которые ставило расширению производства товаров золото, обеспечение предпринимателям «более легких, менее тягостных, менее рискованных» условий деятельности [59], прекращение забот

[55] Ibid., p. 123.
[56] Ibid.
[57] Ibid., p. 124.
[58] Ibid.
[59] Ibid., p. 123—124.

о «черном дне» и, следовательно, о накоплении сокровищ, об экономии потребления, о сбережениях и сберегательных кассах — все это создаст, указывал Прудон, бесконечно растущий спрос, от которого производство будет постоянно отставать. «Вы хотите для увеличения производства организовать труд, сделать труд привлекательным! — критиковал Прудон Луи Блана и фурьеристов.— Исчерпайте рынок! (creusez le debouché!), создайте пустоту в сосудах обращения; и, подобно тому как вода устремляется за поршнем, производство будет приливать на призыв спроса» [60]. Однако беспочвенность этих рассуждений была совершенно очевидна. Механизм Банка обмена не предусматривал никаких способов экономического контроля за предпринимателями, а легкость, с какой на основе «взаимного кредита» могло быть основано или расширено любое предприятие, делало перепроизводство товаров более чем вероятным. Это обстоятельство, составлявшее ахиллесову пяту прудоновского проекта, не прошло не замеченным его критиками.

Делая выводы об экономических результатах деятельности Банка обмена, Прудон спешил увлечь читателя огромными политическими последствиями осуществления своей идеи. В этой части выводы Прудона наиболее интересны. В то же время они окутаны густым туманом и страдают явным разрывом между посылками и заключением. Здесь в наибольшей степени сказались незрелость политической концепции Прудона, неясность его представлений о путях достижения «позитивной анархии».

В «Организации кредита и обращения» переход к последней был представлен в виде процесса постепенного удешевления государства и постепенного поглощения его функций Банком обмена. Различные государственные налоги заменяются единым обложением продукции или, точнее говоря, налогом с товарооборота, взимаемым при учетных операциях Банка обмена [61]. Доходы банка от учета векселей образуют постепенно всю доходную часть государственного бюджета, в связи с чем упраздняется министерство финансов [62].

Уничтожаются также таможенные пошлины: поскольку билеты банка могут быть приобретены лишь в обмен на проданный товар, то баланс внешней торговли устанавливается сам собой; «иностранец, принимающий эти билеты, лишь обменивает свои продукты на наши и, следовательно, ввоз и вывоз всегда и непременно уравновешиваются» [63]. Это ведет к прекращению международных конфликтов и всеобщему миру. «При организации кредита на этой основе у различных народов международная торговля получает всегда справедливый баланс, интересы промышленности каждой нации не могут быть нарушены, территориальные вопросы, колонии, торговые привилегии и т. д. и т. п. отпадают, первопричины войн уничтожаются, повсеместный мир, постоянный мир становится неизбежным. Министр иностранных дел делается помощником главного бухгалтера банка, вместе с бюджетом таможен исчезает на три четверти и бюджет министерства иностранных дел. Без конгресса, без полномочных представителей, без совета амфиктионов учреждается Республика наций» [64].

Одним из любопытных примеров, вскрывающих классовый смысл прудоновской реформы кредита, является сверхфантастический проект

[60] Ibid., p. 124.

[61] Ibid., p. 127. Вопрос о размерах учетной ставки Банка обмена был изложен в «Организации кредита и обращения» довольно сбивчиво; в «Общих принципах» этот размер не был указан; в дальнейшем тексте говорилось о дифференцированной ставке, от 2 до 5% «в зависимости от потребностей общественного управления» (du service public) (Ibid.). Указывалось также, что вначале учетная ставка будет равна 5% (Ibid., p. 126). *Из этого видно, что учетные ставки банковского кредита не играли в* начальных реформаторских проектах Прудона той особой роли, какая им отводилась впоследствии.

[62] Ibid., p. 127.

[63] Ibid., p. 128.

[64] Ibid., p. 129.

погашения государственного долга, а затем и ипотечного долга с помощью Банка обмена. Огромный государственный долг Франции размером почти в 6 млрд. франков погашается в проекте Прудона при помощи весьма простой операции: держателям государственной ренты в течение шести лет выплачивается ежегодно по 1 млрд. франков векселями (en papier de crédit). Прудон не указывает, чьи это векселя — государства или Банка обмена, но в конечном счете речь идет о последнем, о возмещении владельцам государственной ренты ее стоимости банковскими билетами Банка обмена. Как пишет далее Прудон, обратное возвращение векселей совершается быстро: для этого «немного повысят учетную ставку» [65].

В данном случае нас интересует не очевидная абсурдность проекта, а социальная его направленность. Предложение Прудона охраняло не только купоны мелких рантье, т. е. мелкой буржуазии, но и огромные капиталы финансовой аристократии и крупной буржуазии, вложенные в государственную ренту. Прудон подчеркивал, что такое погашение государственного долга «распределяется с математическим равенством и пропорционально состояниям...» [66]. «Таким образом, никакого (государственного) банкротства; никакой конверсии — это тоже банкротство; никакого прогрессивного налога на ренту — это все тоже банкротство. Возмещение по номиналу (au pair) и с процентами посредством ежегодных платежей (à cause des annuités)» [67]. Таким образом, возвещенный учреждением Банка обмена поход против финансовой аристократии завершался капитуляцией перед денежным мешком. Такова была участь мелкобуржуазного реформатора, повторявшаяся и позже всякий раз, когда политики из радикального или социалистического лагеря замахивались на крупную финансовую буржуазию и останавливались в страхе перед революционными мерами борьбы с ней.

Предложение Прудона о погашении подобными же средствами ипотечного долга свидетельствовало о том, что он капитулировал не только перед крупной городской буржуазией, но и перед сельскими ростовщиками и крупными землевладельцами. Здесь с особой силой выявлялась консервативная тенденция прудоновской «организации кредита и обращения» — она оставляла неизменными все экономические и классовые отношения в земледелии.

В предложениях Прудона о снижении заработной платы и снижении цен оговаривалось, что эти меры не распространяются на сельское хозяйство [68]. «Реформа земледелия,— указывал Прудон,— не может совершиться так же, как реформа торговли и промышленности: это дело деликатное, трудное и долгое, оно должно проводиться с осторожностью и благоразумием» [69]. Эта вообще-то банальная мысль высказывалась в 1848 г. многими социалистами-реформистами, которые отдавали себе отчет в тех особых трудностях, какие встретятся на пути социалистического преобразования мелких крестьянских хозяйств. Но Прудон говорил о трудностях реформы земледелия не в том смысле, в каком говорили о них Луи Блан, Пеккёр, Консидеран или Видаль. В отличие от них он

[65] Ibid., p. 130. Бросается в глаза явное противоречие между изложенными выше принципами эмиссии билетов Банка обмена и данным предложением Прудона. Главное отличие его банковского билета от обычных бумажных денег, подчеркивал постоянно Прудон, заключалось в том, что Банк обмена выпускает свои билеты в обращение только и исключительно в обмен на коммерческие векселя, представляющие произведенные и нашедшие покупателя товары. Но учет векселей, полученных владельцами государственной ренты в процессе погашения государственного долга, представлял собой не что иное, как эмиссию банковских билетов, не имеющих никакого обеспечения и не стоящих ни в каком отношении к коммерческому кредиту и вексельному обращению. Эта чистая инфляция со всеми ее последствиями должна была бы мгновенно опрокинуть весь карточный домик прудоновского «взаимного кредита» и Банка обмена.

[66] Ibid.

[67] Ibid.

[68] Ibid., p. 95, 108, 110.

[69] Ibid., p. 110—111.

не предлагал никакой реформы земледелия ни в близком, ни в отдаленном будущем. Он ограничивался весьма половинчатыми налоговыми реформами — уменьшением, *но не уничтожением* 45-сантимного налога, налога на соль, на напитки и снижением на 10% таможенных пошлин на зерно и другие продукты питания [70].

Но и эти меры были продиктованы консервативными соображениями. Во-первых, желанием «оставить на долю земледельческого класса бо́льший доход, чем торговле и промышленности», «улучшить положение крестьян и уменьшить налоговое обложение земледелия, этой основы общественного богатства». А во-вторых, «остановить непрерывную эмиграцию трудящихся деревни в города, эмиграцию, опасную для морали, безопасности и общественного богатства» [71] Но намерение удержать сельского бедняка и полупролетария в деревенском гетто, как и желание сохранить для сельской буржуазии капиталы, вложенные ею в ростовщический ипотечный кредит, лучше всего говорило о том, что Прудон и не помышлял тогда затрагивать капиталистические основы сельского хозяйства Франции. Его реформаторский проект имел в виду не интересы парцелльного крестьянства, а интересы буржуазной верхушки крестьянства.

Возвращаясь к вопросу о политических последствиях реформы кредита, можно заметить, как уже в этом первоначальном реформаторском проекте мысль Прудона вращается в кругу тех противоречий, какие скажутся в дальнейшем во всех его анархистских идеях и построениях. Прудон доказывал, что реформа кредита приведет к постепенному атрофированию функций государства, которые перейдут частично к Банку обмена, частью же к самим членам общества. Примером этого могло служить осуществление декрета о снижении заработной платы и доходов. Как особое преимущество этой меры Прудон подчеркивал, что ее проведение не связано ни с какими государственными расходами на чиновничий аппарат. «Действительно, нам не нужны для этого, как при сборе налогов, учет населения, статистика, кадастр, управление косвенных налогов, администрация, жандармы и т. д., ни, как в банке, касса, контора, служащие, директора и т. д. и т. п. Каждый арендатор, квартиросъемщик, должник сам произведет снижение платежей своему кредитору и занесет это в свой актив — ошибки не приходится бояться. Всякий предприниматель сделает то же со своими рабочими и с акционерами — не бойтесь, он не промахнется» [72]. Этот пример Прудон представлял как образчик будущего политического строя, который он называл анархией. «И вот, если бы все государственные законы, все административные распоряжения, все правительственные мероприятия могли исполняться тем же способом, без того, чтобы это стоило государству или гражданам хотя один сантим, то что вы на это скажете? Нужно ли нам тогда правительство? Нужны ли нам представители? И разве анархия не является идеалом порядка?» [73].

Но, как нетрудно заметить, такая «анархия» была бы сочетанием взаимоисключающих начал, государством без правительства, законодательной властью без исполнительной, принудительным законом без аппарата принуждения. К решению этого противоречия, порожденного самой концепцией Прудона, и обращена его мысль. Сохраняя основы капитализма — частную собственность на средства производства, наемный труд, товарное хозяйство — и в то же время задаваясь целью уничтожить капиталистическую прибыль, Прудон неизбежно оказывался пе-

[70] Ibid., p. 108, 110.

[71] Ibid., p. 110. Прудон даже не замечал, что его реакционные ламентации по поводу индустриализации страны находятся в очевидном противоречии с его восторгами по поводу ожидаемого безграничного роста промышленности при «взаимном кредите».

[72] Ibid., p. 103.

[73] Ibid., p. 104.

ред проблемой согласования «свободы производителя» со «справедливым обменом».

«Справедливость обмена», как уже отмечалось выше, не могла, по собственному признанию Прудона, осуществиться стихийно и самотеком при абсолютной свободе производителя. Она требовала организации кредита и обращения, а в этой мысли скрывалось признание принудительного начала этой реорганизации. Это показывал и подтверждал проект Прудона, который на всех этапах реформы кредита фактически отводил решающую роль государству. Ведь именно государство должно было декретировать снижение заработной платы и доходов, снижение цен, превращение Французского банка в Банк обмена. Роль государства не ограничивалась изданием этих декретов.

Вот как выглядела, например, операция, которую Прудон называл «стабилизацией цен». Он предполагал начать ее с речного, железнодорожного и шоссейного транспорта. «Правительство должно будет заставить показать ему экспедиционные книги, гроссбухи компаний и предпринимателей, вычислить себестоимость одного метрического квинтала [груза] на всякое расстояние и затем установить стоимость. Все виды художественных промыслов, ремесел, промышленности и торговли и т. д. будут подвергнуты аналогичной операции. Будет предпринято генеральное обследование, создана статистика, будут публиковаться все документы, все цены будут печататься в «Moniteur». Каждый торговец должен будет вывесить в своем магазине завизированный торговой палатой и снабженный муниципальной печатью указатель цен на все товары, которыми он торгует или обменивается. Кроме того, на каждом товаре должны быть марка, номер и цена, чтобы покупатель тотчас же видел максимум того, что ему, возможно, придется уплатить» [74]. Из каждой строчки описания этой операции следует, что непременным условием «стабилизации цен» будет наличие разветвленного контроля над производством, торговлей и ценами, контроля, имеющего принудительный характер и предполагающего существование государственной власти. И хотя рассматриваемый проект Прудона носил печать злободневности и относился, собственно, не к периоду «анархии», а к «подготовительным и переходным» мерам, совершенно очевидно, что подобный контроль над обращением не мог быть мерой временной. В условиях сохраняющегося индивидуального производства и обмена принудительный контроль над товаропроизводителями должен был осуществляться постоянно.

Таким образом, тезис об атрофии государства вступал в противоречие с другими тенденциями и положениями прудоновского проекта организации кредита и обращения. Противоречие это не исчезало и в том будущем строе «позитивной анархии», о котором Прудон глухо говорил в заключительных фразах своей брошюры. Там, раскрывая до конца сущность своего универсального «принципа взаимности», Прудон наглядно показывал, что принцип этот есть лишь философский покров для политики классовых компромиссов и классового мира. Другой и не могла быть политика, ставившая своей целью не уничтожение капиталистического способа производства, а его сохранение, его превращение в «справедливый капитализм». «Посредством того же принципа взаимности мы пришли бы — без коммунизма, без аграрного закона, без террора, по доброй воле всех граждан к удовлетворению как буржуазии, так и пролетариата, постоянно увеличивая общественное богатство и благосостояние семьи,— к трансформации собственности, к позитивной анархии... Тогда у нас было бы время подумать об образцовых фермах, об опытах общности имущества (de communauté) и фаланстере, о рабочей ассоциации, об организации труда, о нашей политической конституции» [75]. Последняя

[74] Ibid., p. 110.
[75] Ibid., p. 130.

фраза была, конечно, словесной данью популярным в рабочих массах формулам тогдашнего социализма и коммунизма. В действительности весь проект Прудона, кончая туманной «трансформацией собственности», был проникнут отрицанием коммунизма, борьбой с ним.

Прудон заканчивал свою брошюру характерными словами, выражавшими недвусмысленное желание автора работы «Что такое собственность?» реабилитировать себя в глазах собственников, завоевать доверие буржуазии и покончить со своей «геростратовской славой» разрушителя собственности. «Восемь лет тому назад я бросил в мир эти ставшие знаменитыми слова: „Собственность — это воровство!". Это было скандалом для конституционной монархии; теперь это стало ужасом республики. Я хочу, чтобы это стало спасением республики. Собственность — это невзаимность (la non-réciprocité), а невзаимность — это воровство. Подтверждением моего тезиса является эксплуатация человека человеком, опыт нищеты на протяжении шести тысяч лет. Но и общность есть также невзаимность, поскольку она есть соглашение между враждебными понятиями (la négociation des termes adverses). Это тоже воровство. Между собственностью и общностью я воздвигну целый мир» [76].

[76] Ibid., p. 131.

О Прудоне и прудонизме:
Н.Застенкер. Прудон и февральская революция 1848 г.
Н.Застенкер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом манифесте»
Ю.Стеклов. Прудон отец анархии
В.Смирнова. Критика Ф.Энгельсом взглядов П.-Ж.Прудона и его борьба с прудонизмом в международном рабочем движении

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm